

КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ И ГРАДУАЛЬНОСТИ: проблема дифференциации

В.В. Шелякина

Аннотация. В статье рассматривается проблема разграничения таких близких качественно-количественных категорий, как интенсивность и градуальность, планы содержания и выражения которых частично совпадают. Цель исследования — конкретизировать и расширить основания дифференциации, которые во многих диссертациях и статьях сводятся лишь к двум критериям: интенсивность отличает прагматический аспект, градуальность — значимость расположения единиц в порядке нарастания/убывания признака на соответствующей шкале. Однако в большинстве случаев эти утверждения принимаются как факты, не требующие дополнительных обоснований, в связи с чем возникающие противоречия остаются вне поля зрения лингвистов. На основе анализа научной литературы по данной теме и примеров из художественной литературы автор статьи приходит к выводу, что ключевые различия категорий могут быть выделены с учетом положений теории функциональной грамматики.

Ключевые слова: интенсивность, градуальность, семантическая категория, функционально-семантическое поле, функциональная грамматика.

Для цитирования: Шелякина В.В. Категории интенсивности и градуальности: проблема дифференциации // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 440–451. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-440-451

CATEGORIES OF INTENSITY AND GRADATION: The Problem of Differentiation

V.V. Shelyakina

Abstract. The article deals with the problem of distinguishing such close qualitative-quantitative categories as intensity and graduality, the plans of content and expression of which partially coincide. The study aims to specify and expand the grounds of differentiation, which in many dissertations and articles are reduced to only two criteria: intensity distinguishes the pragmatic aspect, gradality - the significance of the arrangement of units in the order of increasing/decreasing of the feature on the corresponding scale. However, in most cases these statements are accepted as facts that do not require additional substantiation, and therefore the arising contradictions

© Шелякина В.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

remain out of the linguists' field of view. Based on the analysis of scientific literature on this topic and examples from fiction, the author of the article comes to the conclusion that the key distinctions of categories can be highlighted taking into account the provisions of the theory of functional grammar.

Keywords: *intensity, graduality, semantic category, functional-semantic field, functional grammar.*

Cite as: Shelyakina V.V. Categories of Intensity and Gradation: The Problem of Differentiation. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 4, part 2, pp. 440–451. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-440-451

Особое внимание лингвистов к функциональной грамматике было отмечено еще в трудах конца XX в., в частности Е.И. Шейгал объясняет актуальность своего исследования категории интенсивности «значительно возросшим интересом» ученых «к изучению лексики в категориальном плане, в том числе и к вопросу языковой интерпретации функционально-семантических категорий» [1, с. 3]. Однако научные разработки актуальных для данного направления проблем активно ведутся и в наше время.

На примере трудов последних десятилетий, целью которых становится описание все той же семантики интенсивности [2–13], можно убедиться в стремлении исследователей продолжить развитие идей петербургской школы функциональной грамматики, основоположником которой стал А.В. Бондарко, чьи труды положили начало серии коллективных монографий, посвященных этой проблематике.

В рамках теории функциональной грамматики исследуются семантические категории и разноуровневые средства их выражения, организованные по полевому принципу и образующие соответствующее функционально-семантическое поле (ФСП) — «базирующуюся на определенной семантической категории группировку грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [14, с. 11].

В работах последователей функционально-семантического подхода среди прочих категорий с качественно-количественным ядром выделяются названные выше интенсивность и градуальность, характер взаимосвязи которых представляет собой проблему, требующую научного освещения.

Комплексное исследование градуальности как «функционально-семантической категории, представленной в языке определенным множеством разноуровневых средств со значением изменяемого или измеряемого признака» [15, с. 147], было осуществлено в работах С.М. Колесниковой [16–18]. Наряду с компаративностью, качественностью, количественностью, оценочностью в качестве близкой градуальности категории «на основе семантической и функциональной общности» [15, с. 160–161] ученый выделяет и интенсивность.

В один категориальный ряд их ставит и С.Г. Ткаченко в своей монографии, где было осуществлено описание особенностей выражения градуальной семантики фразеологическими средствами: «Как и интенсивность, оценка, качество и количество, градуальность является категорией, то есть общим свойством, которое отражается с помощью специальных средств» [19, с. 14].

Анализ истории изучения интенсивности и градуальности как отдельных категорий позволяет утверждать, что в настоящее время уже можно говорить о сформировавшейся базе многочисленных частных исследований, посвященных теоретическому осмыслению специфики каждой из них, вместе с тем отсутствуют труды, которые давали бы исчерпывающее представление о дифференциальных признаках таких близких категорий, полевые структуры которых не только пересекаются, но и совпадают, что отмечают многие ученые.

Так, несмотря на то, что в научной литературе достаточно подробно описаны типовые значения градуальности и специализированные средства ее выражения, «возникают и некоторые сложности, касающиеся воздействия одной категории на другую, одного функционально-семантического поля на другое поле», в частности «поле градуальности и... — поле оценочности, — поле интенсивности, — поле количественности и т. д.» [18, с. 131]. Закономерно, что в «естественной речи данные поля и их значения пересекаются, с категорией градуальности соприкасаются и частично переплетаются разные виды и типы других категорий» [там же].

Исследуя феномен интенсивности в языке, В.Н. Егорова приходит к заключению, что данная категория находится с другими объективными и субъективными категориями «в тесной и не всегда однозначной взаимосвязи» [20, с. 226], однако внимание автора в основном сосредоточено на сопоставлении интенсивности и экспрессивности, а при освещении проблемы дифференциации интенсивности и градуальности дается ссылка на труд С.Е. Родионовой, где приводится, как подчеркивает В.Н. Егорова, «наиболее четкое разграничение этих категорий» [там же, с. 225]. Однако в указанной работе представлена неполная характеристика сущности градуальности: отличительное свойство одной из «весьма близких к категории интенсивности семантических категорий» [10, с. 156] сводится лишь к одному положению из диссертационного исследования С.М. Колесниковой — значимости «упорядочивания (градуирования) качественного признака по отношению к нулевой системе измерения (норме) по шкале градаций» [16, с. 17].

442

Принимая во внимание точку зрения С.Е. Родионовой, В.Н. Егорова делает вывод, что ключевым основанием дифференциации интенсивности в ряду смежных категорий становится ее прагматический характер [20, с. 225], точнее, свойственный ей прагматический аспект — «субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [10, с. 156]. Об этом же пишет Е.В. Шарапова в своем диссертационном исследовании, где, также апеллируя к мнению С.Е. Родионовой, подчеркивает: на фоне «родственных» семантических категорий, в частности градуальности, «категория интенсивности обнаруживает выраженную субъективную составляющую и тесную связь с языковой прагматикой» [13, с. 19].

Однако едва ли подобные тезисы без дополнительных аргументов способны помочь четко и однозначно разграничить содержательные планы двух категорий, особенно если учитывать, например, тот факт, что частицы, которые являются «одним из периферийных средств выражения градуальности», оформляют «самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения» [18, с. 132]. Иными словами, их прагматическая роль оказывается не менее значимой: «сложную динамику функционирования частиц» определяет «способность одновременно устанавливать контакт с собеседником, связывать данное высказывание

с предыдущим, выражать конкретные чувства и их комплекс <...>, усиливая тем самым воздействие на собеседника» [там же].

Итак, с учетом вышеизложенного выделим и конкретизируем основания для разграничения интенсивности и градуальности, которые, несмотря на все их сходства в содержательном и функциональном аспектах, можно рассматривать как две отдельные категории, полевые структуры которых соотносятся как частное и общее.

Так как для многих исследователей ответ на поставленный вопрос видится именно в сфере прагматики, в первую очередь уточним, почему «основное предназначение» интенсивности — «оказание усиленного воздействия на адресата» [21, с. 48] — действительно можно считать основанием дифференциации двух категорий.

Согласно мнению С.Е. Родионовой, отличительным признаком интенсивности в сопоставлении с градуальностью служит экспрессивный компонент [10, с. 158]. Для доказательства этой точки зрения обратимся к наглядному примеру: «на выбор говорящим лексемы из ряда *холодный* — *прохладный* — *теплый* — *горячий* влияет и мера признака, и градуальность, но <...> при этом нельзя говорить об интенсификации признака» [9, с. 303]. Это можно подтвердить с помощью языкового материала экспрессионистской повести «Красный смех» Л.Н. Андреева:

«...она в это время держала отвернутым кран, и оттуда красиво и легко бежала горячая вода» [22, с. 144];

«Я счел это шуткой — как будто забыл я в этот момент, плескаясь в горячей воде, все то, что видел я там» [там же, с. 151].

В этих фрагментах *горячий* служит для объективного обозначения температуры и является средством выражения градуальности, но не интенсивности, о чем писал еще В. Матезиус, утверждая, что к интенсификации нельзя отнести случаи описания стандартных физических явлений, даже если отмечается превышение нормы, например, достижение тысячеградусной температуры в печи того или иного типа [23, с. 69].

Однако как только наблюдается «обязательная выделенность, выдвижение на передний план» [8, с. 303] указанного признака, что сопровождается употреблением особых художественных приемов, сразу появляются и экспрессивность, и интенсивность, о чем свидетельствуют примеры из того же произведения:

«Я пощупал голову: она была горячая, как огонь» [22, с. 182];

«Попробуй мою голову, какая она горячая. В ней огонь» [там же, с. 150].

Подчеркнем, что правомерность квалификации подобных слов, которые, как считают некоторые исследователи, соответствуют ординарному уровню, т. е. норме, в качестве репрезентантов интенсивности подтверждают авторы коллективной монографии под редакцией А.В. Бондарко: именно в таких «параметрических» прилагательных типа *высокий/низкий, глубокий/мелкий, тяжелый/легкий* и т. п. представлена имплицитная компаративность, т. к. «в сущности они обозначают некое отклонение от среднего, нормального, типичного» [24, с. 111]. Иными словами, возвращаясь к рассмотренным примерам, можно утверждать, что в слове *горячий* уже заложена потенциальная возможность указывать на суперординарное проявление признака.

Очевидно, что наиболее близкую взаимосвязь интенсивность имеет не только с градуальностью, но и с такой субъективной категорией, как экспрессивность, в связи с чем в некоторых случаях именно возникающие в условиях определенного контекста экспрессивные значения свидетельствуют об интенсификации. Это подтверждают,

в частности, примеры энциклопедического словаря-справочника выразительных средств: если в случае с *ветрище* «интенсивность проявляется как увеличительность, выражаемая суффиксом *-ищ-*», то в «высказывании *Ветер, резкий и порывистый, грозил перевернуть лодку* интенсивность проявления силы ветра выражается инверсией и обособлением» [25, с. 362].

О том, что возникающая вследствие определенных условий контекста экспрессивность может быть маркером интенсификации, свидетельствует другой отрывок из той же повести Л.Н. Андреева:

«Воронье кричит. Ты слышишь: воронье кричит. Откуда их столько? От них чернеет небо» [22, с. 176].

Вне контекста слово *чернеет* не является репрезентантом интенсивности, однако предшествующий риторический вопрос, акцентирующий внимание на превышении количественной нормы, в совокупности с данным средством выразительности — глагольной метафорой — позволяют констатировать интенсификацию: «ворон настолько много, что от их количества небо кажется черным».

В свою очередь, репрезентанты градуальности передают в речи «имеющиеся во внеязыковой действительности мерительные отношения, связанные с передачей (самой) высокой или (самой) низкой степени признака, действия и т. д.» [15, с. 161]. В данном случае адресант высказывания, выбирая то или иное языковое средство, обладающее значением «изменяемого или измеряемого признака» [там же, с. 147], принимает на себя роль так называемого градуирующего субъекта, языковая личность которого, как и в случае с интенсивностью, обладает субъективным представлением об общепринятой норме. Тем не менее, несмотря на такую тесную взаимосвязь двух семантических категорий, между ними все же удается найти и другие существенные различия.

Развивая уже указанную ранее мысль о том, что сущность градуальности составляет «упорядочение речевых единиц в определенную систему» [26, с. 197] посредством соответствующей шкалы, тогда как интенсивность «имеет дело с выражением интенсифицированного значения», С.С. Кадысева приходит к выводу, что для последней категории «важно сопоставление интенсифицированной единицы с неким «нормативным» образцом: *мгновенно* — «очень быстро» и *резво* — «очень быстро» [там же], что затрудняет определение порядка мест этих единиц на градуальной шкале: неясно, что из этих двух вариантов считать более усиленным.

На этом вопросе сосредоточивает внимание и И.И. Туранский, предложивший рациональное решение проблемы в ходе разъяснения, какой вариант усиления признака «большой» — *пребольшой* и *большо-о-ой* — правомерно считать более интенсифицированным. Ситуация осложняется тем фактом, что интенсивность, как было уже неоднократно отмечено, имеет неразрывную связь с прагматикой, именно поэтому для того или иного «отправителя речи ЕГО вариант окажется более интенсивным» [27, с. 34], хотя с объективной точки зрения данные единицы равноправны, т. к. содержат лишь по одному маркеру интенсивности. Поэтому формально в сравнении с параметрической нормой «большой» такие выразители усиления, как *очень большой, огромный, громадный, гигантский*, стоят лишь «на одну ступеньку выше <...> на шкале интенсивности», даже если «коллективное мнение, по всей вероятности, справедливо определит *громадный* как более интенсивное, чем *огромный*, а *гигантский* как более сильное

по сравнению с первыми двумя» [там же]. Переход на новую ступень на шкале интенсивности будет осуществляться только при добавлении каких-либо иных маркеров, т. е. «высказывание с рядом $N + 1$ интенсификаторов всегда сильнее высказывания с рядом N интенсификаторов» [там же, с. 35].

Безусловно, и разметки «на шкале градаций носят субъективный характер» [18, с. 161], однако суть градуирования «заключается в постепенном нарастании/убывании градуальных величин, располагающихся на шкале градаций в виде ступеней градуирования» [там же], поэтому в рамках исследования категории градуальности действительно становится релевантным упорядочивание аналогичного синонимического ряда «по типу восходящей градации»: *большой* — *огромный* — *гигантский* — эти «слова градуированы и отличаются степенью проявления признака» [15, с. 247–248].

Для исследователя интенсивности, согласно позиции И.И. Туранского, важно не упорядочивание, а сам факт того, что высказывание при употреблении прилагательных *огромный/гигантский/громный* будет интенсифицировано: какой бы из этих интенсификаторов не был использован, в любом случае будет поставлен акцент на превышении нормы размера, существенного для адресанта речи.

Еще отчетливее это различие между категориями интенсивности и градуальности проявляется при изучении языковых способов обозначения оценки. Например, как отмечает Е.М. Вольф, аффективные общеоценочные слова «нельзя расположить в пределах одной зоны по порядку нарастания положительного или отрицательного признака», в частности, неясно, «какой эпитет говорит о более высокой степени признака»: *потрясающий, великолепный, отличный, необыкновенный рисунок*, какие «яблоки хуже — дрянные или скверные» [28, с. 52].

Кроме того, сами интенсификаторы оценки «не выстраиваются по градуированной шкале» [там же, с. 53]: невозможно установить место каждого из наречий на соответствующей шкале в примере *очень, весьма, крайне, удивительно, поразительно интересная книга*. Однако даже в таких случаях, когда «не только нельзя определить интервалы между степенями признаков, но не удастся и установить их относительное порядковое место» [там же], можно констатировать действие механизма интенсификации, для которого существенно лишь указание на высокую степень проявления признака в сочетании с акцентом на субъективной значимости этого указания.

Если же подходить к сопоставлению интенсивности и градуальности с учетом исследований А.В. Бондарко в области функциональной грамматики, то ключевое различие этих категорий кроется в степени грамматикализованности центра их функционально-семантических полей.

Так, несмотря на то что полевые структуры интенсивности и градуальности полицентрические, в качестве ядра ФСП градуальности выступает «грамматическая категория степеней сравнения» [15, с. 165], в то время как среди средств выражения семантики интенсивности на первый план выдвигаются «взаимодействующие со значениями грамматических форм грамматически значимые элементы семантики, выражаемой лексическими средствами контекста» [29, с. 249]. В этом отношении мы придерживаемся позиции той группы исследователей, которых, как пишет И.В. Ревенко, большинство и которыми «признается ядерный статус лексико-семантических средств репрезентации интенсивности» [8, с. 52], несмотря на то что наряду с ними в системе русского языка не менее репрезентативными являются и грамматические средства, а именно

элативные формы и способы глагольного действия. Следовательно, на этом основании различаются и сами полевые структуры данных категорий.

Согласно классификации А.В. Бондарко, ФСП подразделяются на два типа: моноцентрические, сильноцентрированные (опираются на определенную грамматическую категорию) и полицентрические, слабоцентрированные. Ко второму типу в русском языке «относится большинство ФСП», они опираются «на некоторую совокупность равноуровневых средств» при «отсутствии единого грамматического центра» [30, с. 495]. Именно к ним, как мы считаем, правомерно относить и функционально-семантическое поле интенсивности.

Кроме того, планы выражения семантики градуальности и интенсивности, несмотря на пересечение и частичное совпадение, все же нетождественны. Формальные показатели элатива, а также компаратива и суперлатива сигнализируют дискретную градуальность, «которая не всегда и не обязательно связана с интенсификацией» [27, с. 50]. В случаях *Дуб выше шиповника* и *Этот шкаф самый высокий в квартире* имеет место быть количественная характеристика признака как объективный параметрический показатель. Обязательный же для категории интенсивности аспект — выражение субъективно-оценочного восприятия и постановка акцента на превышении условной общепринятой нормы — отсутствует.

В целом конструкции с компаративом в большинстве случаев принадлежат к области функционирования репрезентантов градуальности, свидетельствовать об интенсификации правомерно только при употреблении определенных моделей, например «*всё* + слово в форме сравнительной степени». В «Толковом словаре» Т.Ф. Ефремовой содержится исчерпывающее описание функций данной частицы, которая употребляется «при подчеркивании, усилении значения (обычно в сочетании со сравнительной степенью прилагательных или наречий, а также с глаголами, обозначающими увеличение или уменьшение чего-л.)» [31, с. 229].

На предельную близость, но все же неидентичность репрезентантов семантики интенсивности и градуальности указывает С.М. Колесникова: «Выделение конкретного языкового средства и определение его значения в градационных словах и их градуальных значениях выявляют ряд других средств, непосредственно связанных с данной семантической сферой, — качественные и оценочные имена прилагательные, слова-градуаторы (показатели градуальности), интенсификаторы, квантификаторы и т. д.» [18, с. 76].

В завершение отметим, что совокупность представленных точек зрения все же требует уточнений, однако даже с их помощью можно увидеть перспективы дальнейших углубленных изысканий в русле вопроса, касающегося конкретизации функций отдельных средств, которыми оперируют как интенсификация, так и градуирование.

Так, например, следует признать, что наречие *очень* и его многочисленные стилистически нейтральные синонимы в зависимости от целей и задач исследования могут квалифицироваться и как «самостоятельные единицы с общей градосемой «указание на высокую степень величины признака» [там же, с. 141], т. е. как градуаторы — средства выражения семантики градуальности, и как «самый распространенный и тривиальный», согласно теории функциональной грамматики, способ выражения интенсивности признака [24, с. 115], т. е. как интенсификаторы.

Такое же пересечение полевых структур двух категорий наблюдается и при анализе функционирования частиц, которые, «градуируя высказывание и функционируя в качестве средств интенсификации», придают «особенное значение слову (выражению), вносят градуально-оценочную характеристику предмета мыслительно-речевой деятельности» [32, с. 41].

Итак, в настоящей работе основной критерий дифференциации категорий интенсивности и градуальности выделяется в соответствии с теоретическими основами функциональной грамматики. Данные семантические категории различаются:

- в плане содержания — степенью конкретизации семантического основания их выделения: для интенсивности, имеющей тесную связь с экспрессивностью, на первом плане находится прагматическая функция, т. е. коммуникативная цель сделать акцент на изменении степени проявления признака и усилить воздействие на адресата, в то время как для градуальности основной семантической функцией является в целом любое «выражение (самой) высокой или (самой) низкой степени признака» [18, с. 75], вследствие чего, в отличие от интенсификации, возрастает значимость упорядочивания репрезентантов на градуальной шкале, на что указывают исследователи градуальности: «... хотя обе категории указывают на изменение количества признака, мы должны различать неопределенное количество, присущее категории интенсивности, и градуируемое, значимое для категории градуальности» [19, с. 19];

- в плане выражения — степенью грамматикализованности полицентрического ядра соответствующих ФСП: градуальность опирается на грамматическую категорию степеней сравнения, в то время как для выражения семантики интенсивности, остающейся релевантной для грамматики, наиболее регулярными репрезентантами становятся средства лексического уровня.

Из вышеизложенного следует, что интенсивность — более узкое понятие — представляет собой микрополе градуальности, макрополе которой охватывает большее количество языковых фактов, передающих «в речи имеющиеся во внеязыковой действительности мерительные отношения» [33, с. 86].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейгал, Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 244 с.
2. Лойко, М.О. Функционально-семантическая категория интенсивности признака: дис. ... канд. филол. наук. Гродно, 1990. 183 с.
3. Артемьева, М.А. Категория интенсивности в публицистике: общее и индивидуальное в языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 204 с.
4. Карповская, Н.В. Категория интенсивности атрибутивного признака в испанском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 182 с.
5. Кокина, И.А. Языковые средства выражения семантики интенсивности в произведениях А.П. Чехова о детях и для детей: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2001. 171 с.
6. Бельская, Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 270 с.

7. *Фортуна, О.Н.* Разноуровневые средства выражения интенсивности и негации и их стилистические функции в языке прозы А.П. Чехова (1890–1900-х гг.): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 141 с.
8. *Ревенко, И.В.* Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 265 с.
9. *Родионова, С.Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // *Славянский вестник*. Вып. 2. М.: Макс Пресс, 2004. С. 303–308.
10. *Родионова, С.Е.* Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // *Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры*. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.
11. *Бородкина, О.А.* Категория интенсивности как средство выражения экспрессивности в художественной прозе И.А. Бунина и А.И. Куприна: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 135 с.
12. *Pálosi, I.* Способы выражения интенсивности действия в русском языке // *Studia Russica XXIII*. Budapest, 2009. С. 289–297.
13. *Шарапова, Е.В.* Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 229 с.
14. *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис* / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
15. *Колесникова, С.М. и др.* Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. 421 с.
16. *Колесникова, С.М.* Категория градуальности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 424 с.
17. *Колесникова, С.М.* Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2010. 279 с.
18. *Колесникова, С.М.* Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность. М.: МПГУ, 2016. 288 с.
19. *Ткаченко, С.Г.* Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект. Монография. Донецк: Фолиант, 2019. 195 с.
20. *Егорова, В.Н.* К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 6 (2). С. 224–226.
21. *Кутейш, И.Ю.* Категория интенсивности в современном английском языке (на материале литературы Великобритании и США XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 244 с.
22. *Андреев, Л.Н.* Красный смех // *Красный смех: сборник*. М.: АСТ, 2022. С. 113–184.
23. *Mathesius, V.* Zesílení a zduraznění jako jevy jazykové // *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praga, 1947. S. 69–89.
24. *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность* / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 263 с.
25. *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 480 с.
26. *Кадысева, С.С.* Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12. № 5. С. 196–199.

27. Туранский, И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 113 с.
28. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
29. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
30. Бондарко, А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 6. С. 492–503.
31. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Т. 1: А–О. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2001. 1232 с.
32. Колесникова, С.М. Русские частицы. Семантика. Грамматика. Функции. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2015. 112 с.
33. Колесникова, С.М. Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 232 с.

REFERENCES

1. Shejgal, E.I. *Intensivnost kak komponent semantiki slova v sovremennom anglijskomazykye* [Intensity as a Component of Word Semantics in Modern English]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 1981, 244 p. (in Russ.)
2. Lojko, M.O. *Funkcionalno-semanticheskaya kategoriya intensivnosti priznaka* [Functional and Semantic Category of the Intensity of a Trait]: PhD Dissertation (Philology). Grodno, 1990, 183 p. (in Russ.)
3. Artemeva, M.A. *Kategoriya intensivnosti v publicistike: obshchee i individualnoe v yazyke* [The Category of Intensity in Journalism: General and Individual in Language]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 1992, 204 p. (in Russ.)
4. Karpovskaya, N.V. *Kategoriya intensivnosti atributivnogo priznaka v ispanskom yazyke* [The Category of Intensity of an Attribute Attribute in the Spanish Language]: PhD Dissertation (Philology). Voronezh, 1998, 182 p. (in Russ.)
5. Kokina, I.A. *Yazykovye sredstva vyrazheniya semantiki intensivnosti v proizvedeniyah A.P. Chekhova o detyah i dlya detej* [Linguistic Means of Expressing the Semantics of Intensity in the Works of A.P. Chekhov about Children and for Children]: PhD Dissertation (Philology). Rostov-on-Don, 2001, 171 p. (in Russ.)
6. Belskaya, E.V. *Intensivnost kak kategoriya leksikologii (na materiale govorov Srednego Priobya)* [Intensity as a Category of Lexicology (Based on the Dialects of the Middle Ob Region)]: PhD Dissertation (Philology). Tomsk, 2001, 270 p. (in Russ.)
7. Fortuna, O.N. *Raznourovnevye sredstva vyrazheniya intensivnosti i negacii i ih stilisticheskie funkcii v yazyke prozy A.P. Chekhova (1890–1900-h gg.)* [Multilevel Means of Expressing Intensity and Negation and Their Stylistic Functions in the Prose Language of A.P. Chekhov (1890–1900's)]: PhD Dissertation (Philology). Rostov-on-Don, 2001, 141 p. (in Russ.)
8. Revenko, I.V. *Yazykovaya kategoriya intensivnosti i ee eksplikaciya v idiostile V. Astafeva* [Linguistic Category of Intensity and Its Explication in V. Astafiev's Idiostyle]: PhD Dissertation (Philology). Kemerovo, 2004, 265 p. (in Russ.)
9. Rodionova, S.E. *Intensivnost i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij* [Intensity and Its Place among Other Semantic Categories]. In: *Slavyanskij vestnik. Vyp. 2* [Slavyansky vestnik, iss. 2]. Moscow, Maks Press, 2004, pp. 303–308. (in Russ.)

10. Rodionova, S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian]. In: *Problemy funkcionalnoj grammatiki: polevye struktury* [Problems of Functional Grammar: Field Structures]. St. Petersburg, Nauka, 2005, pp. 150–168. (in Russ.)
11. Borodkina, O.A. *Kategoriya intensivnosti kak sredstvo vyrazheniya ekspressivnosti v hudozhestvennoj proze I.A. Bunina i A.I. Kuprina* [The Category of Intensity as a Means of Expressing Expressivity in the Fiction of I.A. Bunin and A.I. Kuprin]: PhD Dissertation (Philology). Rostov-on-Don, 2007, 135 p. (in Russ.)
12. Pálosi, I. Sposoby vyrazheniya intensivnosti dejstviya v russkom yazyke [Ways of expressing the intensity of action in the Russian language]. In: *Studia Russica XXIII* [Studia Russica XXIII]. Budapest, 2009, pp. 289–297. (in Russ.)
13. Sharapova, E.V. *Anomalnaya sochetaemost intensivifikatorov v yazyke F.M. Dostoevskogo* [Abnormal Compatibility of Intensifiers in the Language of F.M. Dostoevsky]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2018, 229 p. (in Russ.)
14. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporary Localization. Taxis], ed. by A.V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1987, 348 p. (in Russ.)
15. Kolesnikova, S.M. i dr. *Funkcionalnaya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian Language: Textbook and Workshop for Universities], ed. by S.M. Kolesnikova. Moscow, Yurajt, 2020, 421 p. (in Russ.)
16. Kolesnikova, S.M. *Kategoriya gradualnosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Graduality in Modern Russian]: ScD Dissertation (Philology). Moscow, 1999, 424 p. (in Russ.)
17. Kolesnikova, S.M. *Funkcionalno-semanticheskaya kategoriya gradualnosti v sovremennom russkom yazyke* [Functional and Semantic Category of Graduality in Modern Russian: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola, 2010, 279 p. (in Russ.)
18. Kolesnikova, S.M. *Funkcionalnaya grammatika: predikativnost, gradualnost, ocenochnost* [Functional Grammar: Predicativity, Graduality, Evaluativeness]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2016, 288 p. (in Russ.)
19. Tkachenko, S.G. *Gradualnost v anglijskoj frazeologii: lingvokulturologicheskij aspekt* [Graduality in English Phraseology: Linguistic and Cultural Aspect. Monograph]. Doneck, Foliant, 2019, 195 p. (in Russ.)
20. Egorova, V.N. K voprosu opredeleniya intensivnosti v sovremennom yazykoznanii [On the Issue of Determining Intensity in Modern Linguistics], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2009, No. 6 (2), pp. 224–226. (in Russ.)
21. Kutejsh, I.Yu. *Kategoriya intensivnosti v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale literatury Velikobritanii i SSHA XX veka)* [The Category of Intensity in Modern English (Based on the Literature of Great Britain and the USA of the XX Century)]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 1999, 244 p. (in Russ.)
22. Andreev, L.N. Krasnyj smekh [Red Laughter]. In: *Krasnyj smekh* [Red Laughter: Collection]. Moscow, AST, 2022, pp. 113–184. (in Russ.)
23. Mathesius, V. Zesílení a zduraznění jako jevy jazykově [Amplification and Emphasis as Linguistic Phenomena]. In: *Ceština a obecný jazykozpyt* [Czech and General Linguistics]. Praga, 1947, pp. 69–89.

24. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Kachestvennost. Kolichestvennost* [Theory of Functional Grammar. Quality. Quantification], ed. by A.V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka, 1996, 263 p. (in Russ.)
25. *Enciklopedicheskij slovar-spravochnik. Vyrazitelnye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference Book. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings], ed. by A.P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta, 2011, 480 p. (in Russ.)
26. Kadyseva, S.S. *Kategoriya intensivnosti v sisteme funkcionalno-semanticheskikh, funkcionalno-stilisticheskikh kategorij* [The Category of Intensity in the System of Functional-Semantic, Functional-Stylistic Categories], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2010, vol. 12, No. 5, pp. 196–199. (in Russ.)
27. Turanskij, I.I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke* [Semantic Category of Intensity in the English Language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 113 p. (in Russ.)
28. Volf, E.M. *Funkcionalnaya semantika ocenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS, 2002, 280 p. (in Russ.)
29. Bondarko, A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funkcionalnoj grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: Based on the Material of the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2002, 736 p. (in Russ.)
30. Bondarko, A.V. *O grammatike funkcionalno-semanticheskikh polej* [On the Grammar of Functional and Semantic Fields], *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* = Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A Series of Literature and Language, 1984, vol. 43, No. 6, pp. 492–503. (in Russ.)
31. Efremova, T.F. *Novyj slovar russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatelnyj. T. 1: A–O* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Educational, vol. 1: A–O]. Moscow, Russkij yazyk, 2001, 1232 p. (in Russ.)
32. Kolesnikova, S.M. *Russkie chasticy. Semantika. Grammatika. Funkcii* [Russian Particles. Semantics. Grammar. Functions]. Moscow, Flinta, 2015, 112 p. (in Russ.)
33. Kolesnikova, S.M. *Gradualnost v sisteme russkogo yazyka* [Gradality in the Russian Language System]. Moscow, Flinta, 2018, 232 p. (in Russ.)

Шелякина Валерия Владимировна, аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, vv.shelyakina@gmail.com

Valeriya V. Shelyakina, Post-graduate Student, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, vv.shelyakina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.05.2024. Принята к публикации 05.07.2024
The paper was submitted 22.05.2024. Accepted for publication 05.07.2024